Дилан Харби

растворитель

Дилан Харби
растворитель

https://litres.ru/74700489
SelfPub; 2026

Аннотация

Вакуум не гремит. Он просто забирает воздух — и ждёт.

На астероиде, где «Кестрел» бурит породу, экипаж находит вещество, которого нет ни в одном каталоге. Оно не убивает. Оно ползёт по швам, как мокрая сажа, отвечает на сигналы — и показывает каждому своё.

Пустой скафандр. Треснувшая колба. Лицо, которое ты не должен был увидеть. И голос, который звучит слишком знакомо, чтобы быть настоящим.

Инженер Ирина Волкова привыкла проверять всё: давление, время, собственные показания. Но когда командир отдаёт приказы, которых не помнит, а система подтверждает их его биометрией, единственным честным прибором на корабле остаётся бумажный блокнот.

Общение — универсальный растворитель. Вопрос лишь в том, что оно растворит первым: границы между людьми — или самих людей.

Космический хоррор о доверии, памяти и праве сказать «нет».

Содержание

Глава первая. Трещина 5
Глава вторая. Свои голоса 13
Глава третья. Нулевая гравитация 20
Глава четвёртая. Личный канал 29
Глава пятая. Снаружи 34
Глава шестая. Протокол доверия 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Дилан Харби
растворитель

РАСТВОРИТЕЛЬ

космический хоррор

Повесть

Глава первая. Трещина

На экране шлема загорелось предупреждение: ДАВЛЕНИЕ В КОНТУРЕ 3 ПАДАЕТ.

— Скажи, что это датчик, — произнесла Ирина Волкова.

— Это датчик, — ответил голос Сэма из корабля.

— Хорошо. А теперь скажи, что он врёт.

— Не могу. Он врёт редко и исключительно по личным причинам.

Ирина прижалась ботинками к серой поверхности астероида. Подошвы зацепились за микрошипы, и мир перестал вращаться. Внизу, если это слово ещё имело смысл, тянулась тень от буровой платформы «Пилигрим». Вверху висела Земля — маленькая, голубая и совершенно не заинтересованная в том, что у Ирины только что начало вытекать наружу.

— Хьюз, повтори показания, — сказала она.

— Контур три. Давление падает. Контур четыре держится. Температура в норме.

— Пробоина?

— Пока нет.

— «Пока» — слово, после которого люди обычно начинают бегать.

— Мы не можем бегать, — сказал Хьюз. — Но можем очень быстро отталкиваться.

Ирина направила фонарь на сцепку между буровым рукавом и резервуаром. Металл был чистый, новый, без следа удара. Только под швом темнела полоска, похожая на мокрую сажу. В вакууме она не должна была блестеть.

— Ты видишь это? — спросила она.

В динамике коротко щёлкнуло.

— Вижу.

— Это что?

— В журнале такого нет.

— Отличный ответ. Мы его как раз и боялись.

Она протянула манипулятор. На кончике перчатки дрогнуло отражение. Чёрная полоска не стекала вниз. Она медленно ползла по шву против света, как будто искала место потеплее.

— Не трогай, — сказал Хьюз.

— Я и не трогаю.

— Ты уже выдвинула руку.

— Это не одно и то же.

— Для руки — очень даже одно.

Ирина остановилась. За спиной, в шлюзе «Пилигрима», нарастал белый пар от аварийного сброса. Он вспыхнул на солнце и распался на серебряные нити. Красиво. Красота в космосе часто была предупреждением, просто с хорошим освещением.

— Сэм, изолируй третий контур.

— Выполняю.

— Хьюз, назад к люку.

— А ты?

— Я посмотрю, почему новая сцепка решила стать старой.

— В книге инструкций так не написано.

— В книге инструкций нет этой чёрной дряни.

Она закрепила страховочный трос и шагнула к сцепке. Гравитации не было, но у астероида была масса, у ботинок — хват, у человека — инстинкт не падать. Ирина доверяла двум из трёх.

На шве проступила ещё одна блестящая точка. Потом вторая. Потом металл вокруг них повёлся, будто его нагрели изнутри.

— Волкова, назад, — сказал Хьюз. Голос у него стал тоньше.

— Ухожу.

Шов лопнул без звука. Вакуум не гремит; он просто забирает у мира воздух, а затем ждёт, когда мир заметит. Тонкая дуга чёрной жидкости выстрелила из сцепки и разлетелась на капли. Одна ударила Ирину в визор.

На долю секунды она увидела не собственное отражение, а лицо женщины за стеклом. У женщины были короткие седые волосы, узкий шрам на подбородке и глаза Ирины — только старше на двадцать лет.

— Мам? — сказала Ирина.

Капля скользнула по визору и исчезла в боковом шве.

— Что? — спросил Хьюз.

— Ничего. Отхожу.

Теперь датчик давления завопил. Красный свет залил шлем. Трос дёрнул Ирину назад. Её ударило плечом о стойку, и она ухватилась за неё свободной рукой.

— Третий контур отсечён, — доложил Сэм. — Потеря давления остановлена.

— Подтверждаю, — выдохнул Хьюз. — Волкова, ты цела?

Она проверила костюм. Давление держалось. Кислород — в норме. Пульс — нет.

— Цела. И хочу официально заявить: «новая сцепка» мне не нравится.

— Заявление принято. Внесу в раздел «непредвиденные обстоятельства», — сказал Хьюз.

Ирина посмотрела на свою перчатку. На ней не было чёрной капли. Только серый след от астероидной пыли. Она провела по визору ладонью, хотя знала, что снаружи ничего не изменится.

— Сэм, что было в резервуаре номер шесть?

Пауза.

— Руда и летучие фракции по спецификации.

— А не по спецификации?

— Неизвестно.

— Вот теперь хороший ответ.

Корабль «Кестрел» отвечал за груз, экипаж и последние девять месяцев их жизни. Он был не красивым и не особенно новым: длинный рабочий корпус, две вращающиеся сек-

ции, радиаторы, антенны и жилой модуль, пристыкованный так, будто его добавили в последний день перед запуском. В рекламном ролике он скользил мимо звёзд под оркестровую музыку. В реальности пахнул разогретым пластиком, кофе и шестью людьми, которые давно перестали спрашивать, кто оставил носки у фильтра.

Ирина вернулась внутрь последней. Когда сняла шлем, воздух ударил в лицо сухостью, знакомой как плохая новость.

Командир Рид стоял у панели диагностики. Американец, сорок с лишним, с лицом человека, который умел сказать «всё под контролем» так, что собеседник начинал искать выход. Рядом сидела доктор Хан Со-джин, биолог миссии. Она держала планшет обеими руками, словно боялась, что тот вылетит и начнёт принимать решения самостоятельно.

— Ты сказала «мам»? — спросил Рид.

— Сказала «там». Связь треснула.

Хан подняла глаза.

— Я слышала «мам».

— Значит, у тебя связь лучше моей.

— Или слух.

— Это хуже.

Рид не улыбнулся. Он смотрел на шлем Ирины.

— Запись визора?

— Есть.

— Покажешь после медицинского осмотра.

— Конечно. Сначала осмотр, потом просмотр записи, потом вывод, что я устала и увидела блик.

— Я такого не говорил.

— Ты ещё ничего не говорил. Я экономлю время.

Хан встала и забрала шлем. Её движения были быстрыми, точными, почти бесшумными. Она посмотрела на визор под светом панели.

— Здесь химический след.

— Снаружи? — спросил Рид.

— Нет. На внутренней кромке.

В отсеке стало тихо.

— Сэм, проверить воздушный контур костюма, — приказал Рид.

— Уже проверяю, — ответил корабельный голос. — Загрязнений не обнаружено.

— Сэм, повтори анализ на летучие соединения, — сказала Хан.

— Выполняю.

Рид посмотрел на Ирину:

— Ты видела что-то ещё?

Она хотела сказать «нет». Хотела отдать странную секунду обратно в пустоту, где ей и место. Вместо этого ответила:

— На визоре было лицо. Похоже на моё. Старше.

— Отражение? — спросил Рид.

— Может быть.

— Психологическая реакция на аварийный сброс, — про-

изнёс он, будто проверял, как версия звучит вслух.

— Может быть, — согласилась Хан. — Но сначала проверим костюм.

Ирина посмотрела на неё с благодарностью, которую не стала оформлять словами.

Из динамика донёсся сигнал входящего сообщения с Земли. На экране мигнула метка личного канала Рида.

— У тебя день рождения? — спросила Ирина.

— У дочери.

— Сколько?

— Двенадцать. Просила прислать видео, когда мы будем у астероида.

— Ты прислал?

— Да.

— Тогда не смей умирать. Она будет считать, что видео было последним словом.

Рид наконец улыбнулся.

— Это мотивационная речь?

— Нет. Это бытовая угроза.

Сообщение открылось само. Девочка на Земле махала рукой в камеру, а за её спиной отец Рида — старик в синем свитере — поднимал табличку: «НЕ ПРИВОЗИ ДОМОЙ КАМНИ. У НАС ИХ МНОГО».

Хан тихо рассмеялась. Рид не отключил сообщение сразу.

Ирина поймала себя на том, что снова ищет глазами своё отражение в тёмном экране.

Его там не было.

Глава вторая. Свои голоса

Через сорок минут командир собрал всех в центральном отсеке.

К «Кестрелу» пристыковали шахтёрский модуль «Сойка» — две жилые капсулы, буровая установка, грузовой контейнер и одна машина для подъёма породы. На бумаге «Сойка» могла работать автономно трое суток. В реальности она работала, пока Сэм не начинал говорить с ней по-матерински.

Рядом с Ридом сидели Ирина, Хан, пилот Матео Рамирес и австралийский врач Джесс Белл. Хьюз занимал нижнюю полку и листал журнал повреждений. На столе плавали два пакета еды, которые никто не хотел ловить.

— Контур три изолирован, — сказал Рид. — До выяснения причин груз номер шесть не трогаем.

— Что именно в нём? — спросила Хан.

— Летучие компоненты из глубинного керна. Стандартный образец.

— В отчёте стандартный образец, а на сцепке чёрная жидкость, которая растворила наружный слой уплотнителя.

— Не растворила. Повредила.

— Рид, я сама снимала спектр материала на прошлой неделе, — сказала Хан. — Это был композит с керамическим покрытием. То, что осталось у нас на фильтре, на него не похоже.

— Тогда что это? — спросил Матео.

— Не знаю.

— Прекрасно. Значит, у нас есть неизвестное вещество, неизвестное повреждение и очень известный план продолжать работу, — сказал Матео. — Мне нравится направление.

— Мы не продолжаем работу, — ответил Рид. — Мы не прекращаем миссию до проверки образца.

— Это разные формулировки одного и того же, — заметила Ирина.

— Формулировки важны.

— Особенно когда речь идёт о том, кто будет первым лезть в отсек с неизвестным веществом.

Джесс поймала один из пакетов и прижала к столу. На её рукаве висела нашивка с кенгуру в скафандре.

— Медицинское решение простое: никто туда не лезет, пока мы не поймём, чем дышим.

— Внутри отсека вакуум, — сказал Хьюз.

— Тогда никто не лезет в вакуум с неизвестным веществом. Мне нравится эта версия ещё больше.

Рид постучал костяшками по столу.

— У Земли есть окно связи через шесть часов. Я отправлю полный отчёт. Пока каждый остаётся в своём модуле, проверяем фильтры и личные системы.

— А если анализ покажет опасный уровень? — спросила Хан.

— Тогда сбросим контейнер.

— Мы сбросим груз стоимостью в три миллиарда? — спросил Матео.

— Если он угрожает экипажу, да.

— Пожалуйста, повтори это на запись, — сказала Ирина. — Чтобы никто потом не вспомнил иначе.

Рид посмотрел на неё, но не возразил.

После собрания Ирина задержалась у панели, проверяя исходные данные аварии. На экране была схема третьего контура. Падение давления началось за семь секунд до того, как сработал датчик вибрации. Значит, сначала изменился материал, а уже потом шов треснул.

Она открыла видео с визора. На кадре капля ударялась о стекло, растекалась, и на одно мгновение возникало лицо. Не отражение: у отражения был бы шлем, а у этой женщины — нет. Она стояла в темноте и смотрела на Ирину так, будто узнала её.

Видео длилось полсекунды.

— Хан, можешь подойти? — позвала Ирина.

— Я уже здесь.

— Ты всегда так ходишь?

— Только когда ты смотришь на то, чего нет.

Ирина отодвинулась от экрана.

— Что ты видишь?

Хан наклонилась ближе.

— Сначала? Каплю. Потом артефакт компрессии.

— А лицо?

— Не вижу.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Если бы ты увидела, я бы беспокоилась за тебя. Если не видишь, я могу беспокоиться за себя.

Хан усмехнулась и увеличила кадр.

— На стекле след. Его надо сравнить с пробой из фильтра.

— А если это не след?

— Тогда сравнение всё равно не повредит.

Они направились к лаборатории. По пути Хан рассказывала о пробе, но каждые пару фраз замолкала, прислушиваясь к вентиляции. Ирина это заметила.

— Ты слышишь что-то?

— Нет.

— Ты каждый раз отвечаешь «нет» так, будто ждёшь, что я переспросила.

— Я думаю.

— Опасная привычка на корабле.

— Одна из немногих, которые у нас ещё остались.

В лаборатории они закрыли внутренний шлюз и включили вытяжку. Фильтр из сцепки лежал в прозрачном контейнере. Чёрный след на его поверхности был тонким, почти матовым. Под микроскопом он распадался на ветвящиеся линии, как морозный узор на стекле.

— Это не жидкость, — сказала Хан.

— А что?

— Не знаю. На микроуровне оно ведёт себя как жидкость, но не испаряется и не растекается под вакуумом.

— Дышит?

— В химическом смысле — нет.

— А в каком-нибудь другом?

Хан не ответила.

Ирина коснулась экрана. На изображении узор стал похож на карту побережья. В центре была маленькая белая точка. Она пульсировала в такт её сердцу.

Ирина убрала руку.

— Ты это видела?

— Что именно?

— Точку.

— Какая точка?

Хан отступила от микроскопа и посмотрела на график.

— Давление в контейнере стабильное. Я не вижу никакой точки.

— Может, устала.

— Может. Но ты не должна пока оставаться одна.

— Не люблю, когда мне назначают няню.

— Тогда считай, что это я не хочу одна оставаться с образцом.

Из динамика раздался голос Сэма:

— Внимание. Зафиксирован входящий сигнал в лабораторном контуре.

— Откуда? — спросила Хан.

— Источник не определён.

— Повтори анализ, — сказала Ирина.

— Повторяю. Источник сигнала — лаборатория.

Они замерли.

— Что значит «лаборатория»? — спросила Хан.

— Сигнал передаётся от устройства, находящегося внутри лаборатории.

— Здесь нет передатчиков, кроме нашего оборудования, — сказала Ирина.

— Подтверждаю, — ответил Сэм. — Входящий сигнал зарегистрирован на частоте внутренней связи.

Панель связи мигнула. На экране появилось имя: «ИРИНА ВОЛКОВА».

— Это мой канал? — спросила она.

— Да.

— Я никому не звонила.

— Подтверждаю.

Хан потянулась к панели и отключила внутреннюю связь.

Сигнал продолжал идти.

На экране загорелась кнопка ответа.

Ирина не двигалась.

— Не принимай, — сказала Хан.

В динамике зазвучал голос самой Ирины:

— Хан, открой. Я снаружи.

Ирина посмотрела на дверь лаборатории. Та была закрыта. Между ними и шлюзом никого не было.

Голос повторил:

— Хан, открой. Я снаружи.

— Сэм, отключить питание связи, — приказала Хан.

— Выполняю.

Экран погас.

Они ещё долго стояли молча. Потом Хан подняла планшет и сказала:

— Я внесу это в отчёт.

— Под каким заголовком?

— «Неизвестный сигнал». Я не хочу давать ему имя.

— Разумно.

— А ты?

— А я хочу знать, почему оно использовало мой голос.

За переборкой щёлкнул клапан. Один раз. Затем второй.

Ирина почувствовала, как в груди сжимается знакомое ожидание: сейчас кто-то скажет, что это просто металл остывает, просто помехи, просто усталость. И она поймала себя на том, что уже готова согласиться.

Она достала из кармана блокнот и записала: «Голос в лаборатории. Источник — не я».

Потом добавила время.

Глава третья. Нулевая гравитация

На следующий день Рид разрешил короткий отдых.

— Это не вечеринка, — предупредил он. — Это психологическая разгрузка.

— Какая разница? — спросил Матео.

— В отчёте — большая.

— Тогда нальём отчёт по маленькой.

Алкоголь был легальным, тщательно учтённым и настолько разбавленным, что напоминал воспоминание о напитке. Его выдавили из пакетиков в прозрачные сферы, которые плавали над столом. Хьюз поймал одну зубами и объявил себя первым человеком, выпившим из планеты размером с виноградину.

— Ты не первый, — сказала Джесс. — Ты просто первый, кому не стыдно это заявить.

— Стыд — земная гравитация. Здесь от него можно оторваться.

— Но не от медицинского осмотра, — сказала она.

Ирина держала свою сферу, не открывая. В детстве она думала, что космонавты в полёте пьют виски из стаканов с крышкой. Взрослая жизнь состояла в том, что виски был на вкус как мятная вода, а стакан — это мешок с трубкой.

Матео включил музыку — старую мексиканскую песню с живыми барабанами. Звук не подходил к металлическим

стенам и потому подходил идеально. Хан двигала плечами в такт, а Рид пытался уговорить Сэма включить свет потеплее.

— У меня нет режима «уютный бар», — сказал корабль.

— Добавь, — попросил Рид.

— Для этого потребуется обновление программного обеспечения.

— Сэм, ты можешь просто сделать свет жёлтым.

— Могу. Но тогда это всё ещё будет лаборатория с жёлтым светом.

— Он прав, — сказала Ирина. — Уют надо было доставлять с Земли отдельно.

Матео поймал парящую сферу и повернулся к ней.

— Кстати, Ирина, ты опять не пьёшь?

— Я не говорила, что не пью.

— Ты держишь пузырь десять минут.

— Я изучаю, как он себя ведёт.

— Это не алкоголь, а маленький мир. И ты его оцениваешь.

— Привычка. На Земле работала в аварийной службе. Если что-то плавает, я сначала выясняю почему.

— Тогда тебе нельзя в бассейн.

— Мне нельзя в вашу комнату после смены.

Матео рассмеялся. Хан передала Ирине вторую сферу.

— За то, чтобы завтра всё оказалось обычной поломкой.

— За обычные поломки, — согласилась Ирина.

Они коснулись сферами. Пузырьки дрогнули, но не лоп-

нули.

На Земле алкоголь делал людей громче. Здесь он делал их медленнее. Слова начинали плыть за собеседником, и приходилось ловить их, прежде чем они улетят к вентиляции. Рид рассказывал о дочери, которая хотела стать астрофизиком, пока не узнала, что учёные тоже иногда сидят на совещаниях. Джесс вспоминала австралийскую грозу, описывая запах мокрой земли так подробно, что всем стало обидно за собственные фильтры.

Хан сказала, что в детстве боялась темноты, потому что в темноте не могла проверить, осталась ли она одна.

— И как ты проверяла? — спросил Хьюз.

— Говорила с мамой.

— А если она не отвечала?

— Тогда я считала до десяти и говорила ещё раз.

Ирина посмотрела на её руки. Пальцы Хан были переплетены так крепко, что побелели костяшки.

— Ты одна из тех, кто ответил в лаборатории? — спросила она.

— Я не отвечала.

— Оно говорило моим голосом.

— Но ты не ответила.

— Не сразу. Я не знала, что это ты.

Хан сжала губы.

— Я знала, что это не ты.

— Откуда?

— Ты бы сказала: «Хан, открой, у меня руки заняты». Ты всегда уточняешь, почему просишь о помощи.

Ирина посмотрела на неё. На секунду комната показалась такой знакомой, будто они провели здесь не девять месяцев, а всю жизнь. Это была приятная мысль. Слишком приятная.

— А ты бы открыла? — спросила Ирина.

— Если бы была уверена, что это ты.

— Значит, мы нашли проблему.

— Мы нашли правило.

Ирина подняла свою сферу.

— Не начинай разговор, если не хочешь его вести.

— Это не совсем то.

— Нет. Но похоже.

Их разговор оборвал сигнал с медицинской панели. Джесс оттолкнулась от стены и поплыла к терминалу.

— У меня тут пациент.

— Кто? — спросил Рид.

— Сэм.

— Что с ним?

— Он жалуется на ложный сигнал в лабораторном контуре.

— Сэм не может жаловаться, — сказала Ирина.

— У него голосовой модуль. И он сообщил, что в лаборатории повторяется внутренний вызов.

Тёплый свет сменился белым. Музыка остановилась. Пузырьки с напитком замерли посреди отсека.

— Я отключила связь, — сказала Хан.

— Контур включился сам, — ответил Сэм. — Сигнал повторяется каждые двадцать три минуты.

— Почему ты не сообщил раньше? — спросил Рид.

— Вы установили режим «не тревожить» для лаборатории.

— Я не устанавливал такой режим.

— Установили, — сказала Ирина. — После совещания.

Рид нахмурился.

— Нет. Я приказал отключить лабораторию от общей сети.

— Это и есть режим «не тревожить», — сказал Сэм.

— Нет. Это не то же самое.

— Для связи — то же самое.

Матео оттолкнулся от стола и направился к выходу.

— Я проверю панель.

— Нет, — сказала Ирина.

Он остановился.

— Я даже не собирался открывать дверь.

— Тогда хорошо. Проверишь панель снаружи, не заходя в лабораторию.

— Ты решила, что это заразно?

— Я решила, что мы не знаем, что это.

— В космосе половина вещей, с которыми мы работаем, — то, чего мы не знаем.

— Поэтому мы не трогаем их голыми руками.

— Тут руки в перчатках.

— Ты понял, что я имею в виду.

Хан не смотрела на них. Она наблюдала за пузырём у потолка. Он двигался к вентиляционной решётке, хотя воздух в отсеке был выключен.

— Рид, — сказала она. — Это не мы его толкнули.

Все посмотрели вверх.

Пузырь медленно прилип к решётке. Его поверхность стала матовой. Внутри напитка появилась тонкая чёрная нить, едва заметная на фоне темноты.

— Сэм, вентиляцию, — сказал Рид.

— Вентиляция отключена.

— Тогда чем движется воздух?

— Вентиляция отключена.

Пузырь лопнул без звука. Крошечная капля зависла в воздухе и поплыла к Хан.

Ирина оттолкнулась от стены и перехватила её ладонью. Капля коснулась перчатки. На дисплее загорелось предупреждение о микроповреждении.

— Шлюз! — крикнула Джесс.

Ирина уже двигалась. Она зацепилась за поручень, развернула тело и схватила Хан за ремень. Чёрная точка проскользнула между ними, словно выбирала, кого догонять.

Рид нажал аварийный сброс. Отсек наполнился оглушительным шумом вентиляторов. Капля ударилась о фильтр и распалась на несколько нитей.

— Не дышать! — крикнула Джесс, хотя в масках все уже были.

Матео схватил переносной экран и накрыл фильтр. Хьюз оттолкнул аварийный контейнер к нему. Рид закрыл переборку. Движения каждого были быстрыми, но не согласованными. Они сталкивались плечами, ругались, хватались за поручни и снова отталкивались. В невесомости паника выглядела как плохо поставленный танец.

— Хан, ты цела? — спросила Ирина.

— Да.

— Посмотри на меня.

Хан посмотрела ей в глаза.

— Скажи, что ты видишь.

— Тебя.

— Что я сказала в лаборатории?

— «Я не хочу одна оставаться с образцом».

Ирина кивнула. Она не знала, почему задала вопрос. Ей просто нужно было услышать чужую память, пока та ещё принадлежала кому-то конкретному.

Сэм заговорил в динамике:

— Внимание. Зафиксировано повышение давления в лабораторном контуре.

— Мы же его изолировали, — сказал Рид.

— Давление растёт внутри изолированного контура.

— Что там происходит? — спросил Матео.

На экране камеры лаборатории появилось изображение

пустого помещения. Контейнер стоял на месте. Фильтр был закрыт экраном. Вентилятор не вращался.

Потом изображение мигнуло.

Ирина увидела в лаборатории саму себя. Без шлема. В комбинезоне. Она стояла у двери и смотрела в камеру.

— Сэм, отмотай запись, — сказала она.

— Это прямой эфир.

— Там никого нет.

— Камера регистрирует объект.

— Увеличь изображение.

Лицо на экране улыбнулось.

Ирина не улыбалась.

Затем двойник поднял руку и приложил ладонь к стеклу изнутри лаборатории.

На экране поверх изображения возникло сообщение: «ОТКРОЙТЕ. Я ЗАМЁРЗЛА».

Хан оттолкнулась от панели. Рид выругался. Джесс закрыла рот ладонью.

— Сэм, отключи камеру, — приказала Ирина.

— Камера отключена.

Изображение исчезло.

— Хорошо, — сказал Матео. — Кто-нибудь хочет вернуться к разговору об обычной поломке?

Никто не ответил.

Потом где-то в корпусе трижды постучали.

Сэм произнёс:

— В лаборатории нет людей.

— Мы знаем, — сказала Ирина.

— Источник звука находится снаружи корабля.

За переборкой снова постучали. На этот раз четыре раза.

Ирина вспомнила голос за дверью. «Хан, открой. Я снаружи».

— Никто не отвечает, — сказала она.

— Мы и не собирались, — произнёс Рид.

— Хорошо. Тогда зафиксируем это отдельно.

Она достала блокнот и записала время, слова, последовательность стуков. Рука дрожала. Она не стала стирать строку и переписывать ровнее.

В космосе чужой голос звучал убедительно.

Собственная рука — пока ещё нет.

Глава четвёртая. Личный канал

Рид запретил пользоваться голосовой связью в лабораторном секторе. Сэм отключил внутренние динамики, а Хан распечатала три листа бумаги с планом помещения — на случай, если экран тоже начнёт врать.

— Бумага тоже может врать, — сказал Матео.

— Может, — ответила Хан. — Но ей нужно больше времени.

Они собрались в шлюзовом отсеке, по одному, без общей связи. Каждый надел портативный диктофон и должен был записать, что помнит о последних двух часах. Потом файлы сверят, не обсуждая их заранее.

— Это уже звучит как психологический эксперимент, — сказал Рид.

— Это расследование аварии, — ответила Ирина. — Просто авария теперь включает наши головы.

— Нельзя исключить усталость, гипоксию, паническую реакцию.

— Конечно. Поэтому записываем и проверяем.

Джесс закончила первой. Она сказала, что вечером не заходила в лабораторию, потому что её вызвали к Хьюзу. Хьюз записал, что сам ходил в лабораторию за инструментами. На видео с его нагрудной камеры он действительно входил туда — один раз, в 18:42. На записи Джесс она находилась в ме-

дицинском модуле, а не рядом с ним.

— Значит, он ходил, — сказал Рид.

— Значит, камера показывает, что он ходил, — поправила Ирина. — А сам он этого не помнит.

— Может, был на автомате.

— Может.

— Ты каждый раз говоришь «может», когда не согласна.

— А ты каждый раз говоришь «усталость», когда не знаешь.

Рид выдохнул через нос. Он не был глупым человеком. Хуже: он был компетентным и привык, что уверенный тон сокращает совещания.

Хьюз сидел на полу, пристёгнутый к петле. Он смотрел на экран своей камеры так, будто там показывали чужого человека.

— Я не помню, как туда заходил, — сказал он. — Я помню, что проснулся после смены, потом пошёл проверить фильтр. Но это было раньше.

— Когда раньше? — спросила Хан.

— Не знаю. Вчера? Позавчера?

— Ты был один? — спросила Ирина.

— На видео — да.

— А по памяти?

Хьюз поморщился.

— По памяти я был с Ридом.

Рид покачал головой.

— Я в лаборатории не был.

— Я знаю. Просто… — Хьюз замолчал. — Я помню, что ты стоял у двери. Не этот Рид. Как будто раньше, на корабле. Ты сказал, что проба чистая.

— Я никогда не говорил, что проба чистая.

— Вот теперь я и не знаю, что помню.

Никто не ответил. Даже Матео не нашёл шутки.

Ирина попросила показать журнал событий с нагрудной камеры. Временная метка на видео отставала от корабельного времени на одиннадцать минут. Командный журнал, наоборот, опережал её на семь. Сэм сообщил, что системная синхронизация сбилась сразу после первого падения давления.

— У тебя есть резервный источник времени? — спросила Ирина.

— Механический секундомер в аварийном ящике.

— Он работает?

— Не проверял.

— Проверишь.

— А если он тоже врёт?

— Тогда у нас будет два разных мнения о времени. Пока это лучше одного.

В аварийном ящике нашёлся старый секундомер, белый, с трещиной на стекле. Хьюз заводил его вручную. Они запустили его одновременно с таймером на панели. Через десять минут расхождение составило две секунды.

— Официально лучший прибор на корабле, — сказала Джесс.

— Он не подключён к сети, — ответила Ирина. — В этом его преимущество.

Хан взяла со стола бумажную схему и провела карандашом от лаборатории к грузовому модулю.

— Если образец меняет воздушную смесь, мы должны увидеть след в фильтрах.

— Мы уже проверили, — сказал Рид.

— Мы проверили фильтр после аварии. Сейчас проверим каждый изолированный контур отдельно.

— Это займёт часы.

— Тогда начнём сейчас.

Рид взглянул на часы, которые были синхронизированы с сетью.

— До следующего окна связи три часа. Земля должна решить, что делать с контейнером.

— До решения Земли может пройти сутки, — сказала Ирина. — А до решения, которое мы примем сами, — пять минут.

— Мы не сбросим груз без согласования.

— Я не предлагаю сбросить. Я предлагаю проверить, не вышло ли вещество из контейнера.

— Уже проверили.

— Проверили один фильтр. Не всю систему.

Рид сжал челюсть. Хан посмотрела на него спокойно, но

не отводила глаз.

— Хорошо. Проверяем, — сказал он наконец. — Но без входа в лабораторию.

— Согласна, — ответила Ирина.

— Ирина, — тихо сказала Джесс, когда остальные начали расходиться. — Ты уверена, что не была в лаборатории до аварии?

— Уверена.

— Насколько?

— Я помню, что не была.

— Это не одно и то же.

Ирина посмотрела на бумажный блокнот в своей руке. В нём была записана каждая странность, но не было доказательства, что сама она не изменила записи.

— Нет, — сказала она. — Не одно.

Она дописала: «Джесс спросила, была ли я в лаборатории. Я ответила, что помню, что не была».

Потом показала запись Джесс.

— Проверь почерк.

— Он твой.

— Пока этого достаточно.

— А если однажды будет недостаточно?

— Тогда я найду другой способ проверить.

Глава пятая. Снаружи

Проверка фильтров заняла два часа и дала два результата: следов вещества в жилом воздухе не нашли, а лабораторный контур продолжал показывать давление выше допустимого.

— Значит, оно заперто внутри, — сказал Рид.

— Или датчик врёт, — сказала Ирина.

— Все датчики не могут врать одновременно.

— Мы уже видели, как синхронизация врёт вместе.

— Это не то же самое.

— Нет. Но это тоже не доказательство.

Рид посмотрел на неё с усталой злостью. Они говорили через маски и шлемы, стоя по разные стороны перегородки. Так было безопаснее и неудобнее. Каждый фразовый конец превращался в металлическое эхо.

— Нужно добраться до внешнего предохранительного клапана, — сказал он. — Если давление реально растёт, мы сбросим его наружу.

— Если это просто датчик, мы откроем клапан без причины.

— Тогда проверим ручным манометром.

— Он в лаборатории.

— Я схожу.

— Нет.

— Я командир.

— Поэтому нет. Если ты потеряешь память, кто будет принимать решения?

— Ты?

— Я не просила эту работу.

— Никто не просил эту работу.

Ирина проверила карабин на поясе. Они находились во внешнем шлюзе «Кестрела». До лабораторного модуля нужно было пройти по сервисной ферме, над открытым космосом. С одной стороны — корпус корабля и поручни. С другой — чёрная пустота, где астероид медленно проплывал внизу, похожий на серый череп.

— Я пойду с тобой, — сказал Матео по радио.

— Ты нужен за пилотским пультом, — ответил Рид.

— Пилотировать корабль, который стоит на астероиде, — это как охранять припаркованный велосипед.

— Ты остаёшься у пульта.

— Принято. Велосипед под охраной.

Ирина закрепила линию безопасности и вышла первой. За ней последовал Рид. На поверхности астероида солнце било так ярко, что тени выглядели вырезанными ножом. Скафандр скрипел у плеча. Внутри шлема дыхание было громче мыслей.

— Давление в норме? — спросил Рид.

— Да.

— Связь?

— Да.

— Ты уверена, что видела лицо?

— Да.

— Оно было похоже на тебя?

— Да.

— В каком смысле?

— В том, что я его узнала.

— Ты знала этого человека?

— Нет.

— Тогда почему узнала?

— Не знаю.

— Может, мозг дорисовал отражение.

— Может.

— Ты могла увидеть собственное лицо в визоре.

— Визор не был зеркальным.

— Может, угол света…

— Рид, ты сейчас пытаешься выяснить, что произошло, или убедить меня, что ничего не произошло?

Он помолчал.

— Я пытаюсь не дать нам развалиться из-за полсекунды видео.

— Тогда не говори, что видел то, чего не видел.

Внешний клапан находился на грузовом модуле. К нему вела узкая лестница из поручней, сваренная вдоль корпуса. Ирина закрепилась у панели и вручную подключила манометр. Стрелка качнулась, замерла, снова пошла вверх.

— Давление растёт, — сказала она.

— Насколько?

— На три килопаскаля за минуту.

— Это физически невозможно в запертом контуре.

— Возможно, если в нём образуется газ.

— Или манометр неисправен.

— Два прибора, Рид.

— Один цифровой, один механический. Они могут быть откалиброваны неправильно одинаково.

— Ты сам просил ручной.

— Я знаю.

Она отсоединила шланг. В его прозрачной трубке на мгновение появилась тёмная линия. Ирина замерла.

— Рид, не двигайся.

— Что такое?

— В шланге что-то есть.

— Я не вижу.

— Оно идёт к клапану.

Чёрная линия медленно ползла внутри трубки. Не вверх и не вниз — к соединению у руки Ирины.

— Отсоедини манометр, — сказал Рид.

— Если открою соединение, сброшу давление.

— Тогда сбрасывай.

— Оно может попасть в шлюзовой контур.

— Закрой запорный клапан.

Ирина повернула ручку. Та не двигалась.

— Заклинило.

— Используй аварийный рычаг.

— Он под тобой.

Рид оттолкнулся от корпуса и переместился ближе. В этот момент сервисная ферма дрогнула. Не сильно — как мост, по которому проехал грузовик. Но здесь не было дороги и грузовика. Был только астероид, корабль и неизвестное давление внутри металла.

— Кестрел, что за вибрация? — спросила Ирина.

— Удар не зафиксирован, — ответил Сэм. — Источник неизвестен.

— Сойка? — спросил Рид.

— Буровая установка отключена.

Под ними в тени контейнера что-то засветилось. Не ярко. Тусклая голубая сетка прорезала серую породу, затем погасла.

— Ты это видел? — спросила Ирина.

— Видел что?

Она не ответила. Ещё одна линия света вспыхнула под поверхностью. Теперь несколько тонких ветвей расходились от буровой скважины, будто кто-то провёл по камню электрическим пером.

Рид развернулся к астероиду.

— Это наши датчики?

— Нет.

— Сэм, зафиксировать спектр.

— Выполняю.

Трубка в руке Ирины подёрнулась. Чёрная линия внутри стала шире. Она закрыла внешний клапан коленом и потянулась к аварийному рычагу.

— Ирина, назад! — крикнул Рид.

Она рванула рычаг на себя. Металл хрустнул. Манометр отлетел, ударился о корпус и вращаясь ушёл в темноту. Из разъёма вырвался облачный сгусток чёрных частиц. Вакуум разметал их веером.

Одна частица легла на стекло шлема Рида.

Он замер.

— Не трогай, — сказала Ирина.

— Я не трогаю.

На визоре частица раскрылась тонкой звездой. Затем собралась в буквы.

Рид прочитал их вслух:

— «Я здесь».

— Это не буквы, — сказала Ирина.

— Я вижу буквы.

— Что написано?

Он не ответил.

— Рид, что написано?

— «Я здесь».

— У меня на твоём визоре ничего нет.

Он не двигался. Его рука поднялась к шлему.

— Не трогай! — Ирина схватила его за запястье.

Рид дёрнулся и едва не сорвал крепление. Линия безопас-

ности натянулась. Ирина зацепилась ботинком за ферму и подтянула его к себе.

— Смотри на меня. Рид, смотри на меня.

Его глаза за стеклом были широко открыты.

— Ты её видишь? — спросил он.

— Кого?

— Девочку.

— Нет.

— Она стоит там.

Он указывал на пространство за плечом Ирины. Там были астероид и звёзды. Никакой девочки.

— Рид, назови три вещи, которые ты видишь.

— Ты.

— Ещё.

— Корабль.

— Ещё.

— Землю.

— Хорошо. Ты знаешь, где мы?

— На внешней ферме «Кестрела».

— Кто я?

— Ирина.

— Кто ты?

— Командир Рид.

— Где твоя дочь?

Он моргнул. На визоре не было ни капли, ни букв.

— На Земле, — сказал он. — Ей двенадцать.

— Хорошо. Возвращаемся.

— Я видел её.

— Знаю.

— Она звала меня.

— Я знаю.

— Ты не можешь знать.

— Нет. Но я могу поверить, что ты видел.

Он молча кивнул.

Они добрались до шлюза. За внутренним стеклом ждали Хан и Джесс. Хан подняла табличку: «НЕ ОТВЕЧАТЬ ГОЛОСУ». Джесс держала вторую: «ПРОВЕРИТЬ КИСЛОРОД».

Ирина показала большой палец. Рид указал на табличку Хан и беззвучно произнёс:

— Уже поздно.

Когда внутренний шлюз открылся, он повернулся к пустому коридору.

— Папа? — сказала девочка голосом, который не пришёл ни из одного динамика.

Рид остановился.

Ирина схватила его за руку и потянула внутрь. Дверь закрылась между ними и коридором.

Глава шестая. Протокол доверия

Джесс отсоединила шлем Рида от внешнего контура и усадила его в медицинскую капсулу. Он не сопротивлялся, но всё время смотрел на пустое место у двери.

— Дочь на Земле, — повторял он. — Двенадцать лет. День рождения в мае. Она прислала видео. Я ответил.

— Хорошо, — сказала Джесс. — А сейчас ты на «Кестреле». Мы у астероида. Ты в медотсеке. Я Джесс, врач. Ты можешь назвать ещё что-нибудь?

— Ирина.

— Что она делает?

— Стоит у двери.

Ирина действительно стояла у двери.

— Отлично, — сказала Джесс. — А кто рядом с ней?

— Никого.

Хан, сидевшая у панели, подняла голову.

— Рид, скажи, что ты видишь на визоре.

— Я уже снял шлем.

— Я спрашиваю о памяти.

Он нахмурился, прислушиваясь к себе.

— Девочка. За спиной Ирины.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет. Думал, дочь.

— А сейчас?

— Не уверен.

Джесс провела датчиком над его шеей, потом проверила образцы воздуха из шлема. Всё было чисто. В крови не нашли ни известного токсина, ни повышенного уровня углекислого газа. Рид выглядел так, словно пережил бессонную ночь и неприятный разговор, а не встречу с невозможным.

— Похоже на острый эпизод стресса, — сказала Джесс. — Но я не могу объяснить совпадения. У Ирины был голос. У тебя — зрительный образ.

— У меня тоже был голос, — ответил Рид. — До того, как я увидел её.

— Ты слышал голос дочери? — спросила Ирина.

— Да.

— Точно её?

— Я узнаю голос своей дочери.

— Именно это меня и пугает.

Рид закрыл глаза.

— Не надо делать из этого допрос.

— Я не делаю. Я выясняю, что случилось.

— А если ничего не случилось? Если мы перегрелись, устали и друг друга накрутили?

— Тогда проверка это покажет.

— Ты всё время говоришь о проверке, будто она всегда даст ответ.

— Она хотя бы покажет, где ответа нет.

Хан подключила к экрану запись с внешней камеры. На

ней Ирина и Рид передвигались вдоль грузового модуля. В момент, когда Рид остановился, его шлем был пуст. Ни чёрной капли, ни слов, ни девочки.

— На визоре ничего не видно, — сказала Хан. — Но ты поднял руку и отшатнулся.

— Я видел её.

— Я тебе верю, — сказала Хан. — Запись просто не подтверждает, что она была там физически.

Рид открыл глаза.

— Это и есть ваша новая реальность? Если камера не записала, значит, я сошёл с ума?

— Нет, — ответила Ирина. — Если камера не записала, мы не будем утверждать, что девочка стояла снаружи.

— А то, что я видел?

— Это было с тобой.

Он отвернулся. Ирина поняла, как легко слова «не было» могли превратиться в «тебе показалось». Граница была тонкая. Держаться за неё приходилось обеими руками.

Хан вывела на экран данные анализа воздуха. В лабораторном контуре обнаружилась микроскопическая концентрация неизвестного летучего вещества. В остальной части корабля показатели оставались ниже порога чувствительности приборов.

— Оно вышло через шланг? — спросил Рид.

— Возможно, — сказала Хан. — Но его количество слишком мало, чтобы объяснить сильное воздействие на всех.

— Мы не все видели одно и то же, — заметила Ирина. — Это важно.

— Значит, эффект индивидуальный, — сказала Джесс. — Если он вообще есть.

— А если это не токсин? — спросил Матео. — Если оно передаёт информацию?

— Через что? — спросил Рид. — Воздух, свет, звук?

— Не знаю. Оно же из астероида. Мы уже перестали понимать, что оно такое.

— То, что мы не знаем, не значит, что можно выбрать самое красивое объяснение, — сказала Ирина.

Матео кивнул. Он не обиделся; скорее, обрадовался, что кто-то произнёс вслух то, чего сам он опасался.

— Тогда выберем самое скучное. Помеха. Усталость. Испорченный фильтр. А потом посмотрим, останется ли что-то странное.

Хан вывела спектрограмму.

— Есть ещё одна проблема. Сэм зарегистрировал краткий пакет данных на внешней антенне. Он пришёл из-под поверхности астероида.

— Может быть отражение нашего сигнала, — сказал Рид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.